

Местами чрезмерно смелая в обобщениях статья, но чрезвычайно важная в своих посылах, идеях и выводах. (ред.)

Источник: <https://vk.com/@novaiskra-dayesh-ableism>

То, что процент убогих и ущербных субъектов в левом движении зашкаливает, бросается в глаза каждому беспристрастному наблюдателю. Но раньше можно было надеяться, что в левом движении это воспринимается как проблема, требующая решения. В последнее время, однако же, появилась тенденция признавать убогость и ущербность (не только в левой среде, но и в обществе в целом) как нормальное явление. Если данная тенденция возобладает (а к тому идет как в левой среде, так и в буржуазном обществе, частью которого является эта среда), то будет снят моральный запрет на убогость и ущербность, убогость и ущербность будут оцениваться как допустимые и даже должные, и это будет тотальная катастрофа.

Речь идет, как легко могут догадаться те, кто в теме, о борьбе с «эйблизмом», которая становится столь же модной в левацкой среде, как и борьба с сексизмом и гомофобией.

Современная левацкая среда представляет собой не отрицание мира капиталистического вырождения, а его предельное выражение. Это собственно и будет представлять главную мысль данной статьи. Борьба с эйблизмом, в которую с увлечением включаются леваки, является частью политики ведущего, леволиберального в культурном смысле тренда современного империалистического центра.

Что такое эйблизм? Смотрим Википедию. Куда же без нее:

«Эйблизм — это вид дискриминации, а именно системная дискриминация и социальное предубеждение против инвалидов. Эйблизм характеризует людей, ориентируясь только на их ограниченные возможности и ставит их потребности на второй план, по сравнению с остальными людьми. На этой основе, людям с ограниченными возможностями приписывают или наоборот отказывают в определенных навыках или чертах характера. Существует ряд стереотипов, связанных с различными типами инвалидности. И эти стереотипы служат оправданием для практики эйблизма и распространения дискриминации в целом. Подобное отношение негативно влияет на людей с ограниченными возможностями, ограничивая их выбор профессий, развлечений и т.д., и

в целом меняет их отношение к самим себе». [\(1\)](#)

Как видим (и как увидим еще более наглядно в дальнейшем), борцы с эйблизмом интересуются не лечением инвалидов и уж тем более не тем, чтобы они перестали быть инвалидами (если это позволяет современная медицина) и не тем, чтобы для них были созданы условия, сводящие, насколько возможно, к минимуму отрицательные для них и для общества последствия их инвалидности. Если бы дело было в этом, никакой социалист не возражал бы, как никакой социалист не возражал бы против феминизма, если бы он означал бы равные права женщин с мужчинами.

Речь о другом. Речь о том, что инвалидов надо всего-навсего по-другому характеризовать. Инвалид остается инвалидом и прозябает в дерьме, только вот стереотипы в его отношении исчезают. Капитализму не надо заботиться о лечении и социальной адаптации инвалидов, достаточно переименовать их в «людей с ограниченными возможностями» и запретить стереотипы.

Что дело обстоит именно так, и даже хуже, чем так, видно из второго абзаца той же статьи:

«В обществе здоровый человек рассматривается как норма, в то время как инвалиды являются отклонением от нормы, и это одно из главных проявлений эйблизма. Инвалидность воспринимается как нечто, требующее устранения, чаще всего с помощью медицинского вмешательства. То есть инвалидность - это своего рода ошибка, нежели подтверждение человеческого разнообразия, как, например, раса, пол или сексуальная ориентация». [\(1\)](#)

Это – очень важный абзац, из которого понятно следующее:

1). Точка зрения, что здоровье – норма, к которой нужно стремиться, а болезнь – отклонение от нормы, которое нужно лечить – это одно из главных проявлений эйблизма. Болезни можно не лечить. Достаточно называть их не болезнями, а как-то по-другому.

2). Требование устранения инвалидности с помощью медицинского вмешательства – это эйблизм. Инвалидность – всего-навсего проявление человеческого разнообразия. Пусть считающие так сердобольные люди скажут это слепым или потерявшим ноги. В глаза скажут, лицом к лицу.

Подобная точка зрения дает правящему классу свободу рук для истребления общедоступной медицины. Поэтому «борьба с эйблизмом», вместо того, чтобы быть борьбой с капитализмом, как могут думать левацкие дурачки и дурочки, вполне ему на руку и укладывается в русло неолиберальной реакции. Она дает моральное обоснование ликвидации социальных программ – это первое и политически самое важное, что нужно о ней знать. Зачем лечить рак, если он всего лишь другая форма ткани?

Борьба с эйблизмом – это как если бы социалисты 19 века говорили рабочим, прозябавшим в нищете и угнетении – не боритесь за изменение своего чудовищного положения, не стремитесь перестать быть нищими и угнетенными, но требуйте, чтобы вас перестали называть нищими и угнетенными. И оставайтесь нищими и угнетенными веки вечные. Не меняйте действительность, меняйте слова!

В доказательство этой мысли разберем статью одной американской борщи_хи с эйблизмом, статью, которая вообще содержит много перлов. Статья называется «Эйблизм и ругательства»:

«...К примеру, я часто вижу, как этот аргумент применяют к слову «moron», которое раньше являлось медицинским термином для обозначения людей с особенностями развития. (В русском языке я не нашла подходящего слова, т.к. и идиотия, и дебилность, и имбецильность – это реальные заболевания по классификации МКБ-10 – прим. пер.) Сестра моей бабушки жила с этим диагнозом, запертая в государственных лечебницах большую часть своей недолгой жизни. Так что, когда я вижу это слово, я вспоминаю историю своей семьи. Я помню всех людей с этим диагнозом, которые жили и умирали в государственных спец. школах и спец. лечебницах в условиях постоянного физического и психологического насилия, бедности, безо всякой заботы, без необходимого питания, и страдали от болезней. Сестра моей бабушки 10 месяцев умирала от туберкулеза в государственной лечебнице. Слово «moron» использовалось, чтобы угнетать и дискриминировать таких людей, как бабушкина сестра, и многие из них до сих пор живы в памяти следующего поколения. «Moron» и слова со схожим смыслом типа «идиот» или «имбецил», возможно, не используются в медицине, но суть не в этом. Эти слова использовались угнетателями, и каждый раз, когда их используют без

уважения к истории угнетения людей с инвалидностью, они оскорбляют память тех, кто вынуждены были носить эти ярлыки до самой смерти». [\(2\)](#)

Итак, беда не в том, что сестру бабушки нашей борци_хи плохо, недостаточно или неправильно лечили, а в том, что ее называли непереводаемым на русский язык словом «moron» Вот если бы ее так не называли бы, не умерла бы она от туберкулеза.

С другой стороны, непонятно, как и от чего ее можно было бы лечить, не диагностировав сперва ее болезнь, т.е. не применив в данном случае эйблистского определения “moron” Как можно лечить слепого или человека, которому угрожает слепота, не определив сперва, что его нужно лечить именно от слепоты?

Почему-то я склонен думать, что лучше назвать слепого слепым и вылечить его, сняв катаракту, чем называть его «инаковидящим», оставив катаракту на месте.

«В основе невежества, конечно же, лежит взгляд со стороны и уверенность в том, что инвалидность – это всегда Очень Плохо. В нашем обществе эта идея очень распространена, и множество людей верят ей без всяких оговорок. Даже люди, отказывающиеся воспринимать как данность все остальные аспекты жизни, зачастую придерживаются такого мнения об инвалидности. Такие люди поддерживают диктуемое обществом мнение о том, что люди с инвалидностью заслуживают жалости, что они пугают, что их жизнь – трагедия». [\(2\)](#)

Итак , борци_ха с эйблизмом НЕ считает, что инвалиды заслуживают жалости, а следовательно, сочувствия и деятельной помощи. Для нее инвалидность – не «Очень Плохо». Жизнь инвалидов – не трагедия. Пусть наша борциха скажет это лицом к лицу слепым и безногим. Какое омерзительное лицемерие!

Более того, она призывает:

«Вам следует действовать вместе с нами и говорить: «Нет ничего неправильного в том, чтобы иметь инвалидность, и мы гордимся тем, что боремся вместе с вами». [\(2\)](#)

Нет ничего неправильного в том, чтобы иметь инвалидность. Запомним.

Весь этот новомодный либерастический дискурс, к которому присоединилось убогое постмодернистское левачье, основан на идее, что нет разницы между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью, истиной и ложью, силой и бессилием, бесстрашием и трусостью. Что нужно любить себя и других, такими, какие мы есть. Нужно оставаться самим собой. Поэтому весь «антиэйблистский тренд» гораздо глубже и страшнее, чем если бы он служил только для добивания неолиберальной реакцией доступной народу медицины. Если он восторжествует, это будет означать крах общества.

Общество, коллективная жизнь и коллективное дело, невозможны без определенной моральной спайки, без понимания того, что жизнь лучше смерти (поэтому предпочтительнее работать, а не принимать наркоту, и тот, кто работает, правильный человек, а кто жрет, срет и колется, тот чмо), а правда лучше лжи (поэтому тот, кто говорит правду, правильный человек, а кто лжет из трусости и страха, тот чмо). Моральные нормы подобного типа далеко не всегда и не всеми соблюдаются, но чтобы общество существовало, должно быть хотя бы чувство, что жизнь и правда – норма и следовать ей - хорошо, а болезнь и ложь – это отклонение от нормы, и это плохо и осуждаемо.

Если такого нет, если общество уравнило ложь с правдой, болезнь – со здоровьем, а смерть – с жизнью, тогда общество обречено.

Разумеется, моральные нормы не абсолютны. Они меняются в разные исторические эпохи, и по-разному применяются к каждой данной ситуации. Тот, кто говорит правду врагам на допросе и выдает товарищей, тот предатель.

Но неабсолютность моральных норм не означает их отсутствия. В каждом данном обществе у каждого данного класса есть представление, что морально, а что не морально делать в каждой конкретной ситуации, требующей морального выбора. Если такого критерия нет, если наступает царство всеобщего релятивизма (у тебя – своя правда, а у меня своя, причем речь идет не о правде борющихся классов или народов, которые в бою решат, чья правда сильнее, а о «правде» изолированных друг от друга индивидов, которым наплевать и друг на друга, и на правду), тогда никакое социальное

взаимодействие между людьми невозможно, и рано или поздно наступает гибель общества.

Известный русский историк Лев Гумилев в своих трудах о средневековье писал об «антисистемах». Так он называл средневековые дуалистические ереси, отрицавшие жизнь и восхвалявшие смерть, отрицавшие истину и одобрявшие ложь. По мнению Гумилева, торжество таких ересей привело бы к смерти общества. Поэтому Святая Инквизиция делала полезное дело не только для феодалов, но и для трудящихся масс. Под властью католической церкви крестьяне и ремесленники тяжело и трудно, но жили, дуалистические же ереси несли им смерть и гибель.

Мы не будем рассматривать здесь вопрос, насколько дуалистические религии средневековья были антисистемами в том смысле, который придает этому понятию Лев Гумилев. Но весь леволиберальный дискурс и его новолевая разновидность с их постмодернизмом, отрицанием объективной истины, отрицанием социального взаимодействия между людьми (при взаимодействии всегда есть шанс нарваться на дискриминационное высказывание), уравниванием здоровья и болезни являются именно антисистемами, чье торжество приведет к краху общества.

У одного из леваков на аватарке красуется «Против веры! Против чести! Против власти!». В этих словах – ключ к пониманию современного левачья.

«Против веры» означает для левачья быть не против слепой иррациональной веры в божественное откровение, а против объективной истины, стремление к познанию и претворению в жизнь которой у сильного и здорового человека может превращаться во всепоглощающую страсть. «Против власти» для левачья означает не против деспотической власти, не подконтрольной народу, а против любой общественной организации, любой дисциплины и самодисциплины.

И самое важное, конечно же, так это «против чести». Против чести для левачья означает быть против морали, против всяких моральных ограничений. Узнав о том, что левое движение против всяких моральных норм, люди, всерьез желающие менять мир, предпочтут таким левым правых, хотя бы говорящих о чести и верности – о тех моральных нормах, без соблюдения которых никакое движение, всерьез стремящееся к преобразованию мира, невозможно.

Но вернемся к нашей борцихе.

Она недовольна не только тем, что инвалидов называют инвалидами, а моронов – моронами.

«Давайте подойдем к этому с такой стороны: представьте, что вы женщина, вы идете по улице, и слышите непрошенный комментарий о вашем теле. Предположим, что человек видит вас в вашем лучшем платье, видит вашу сложную красивую прическу и говорит: «Ты жирная, как свинья». Является ли ваше тело достоянием общественности, которое могут комментировать все, кто пожелает? Позволено ли кому-то использовать ваше тело – говорить о нем в вашем присутствии без вашего согласия? Или это форма объективации и неуважение к вам?

Точно так же, как незнакомцам не позволено использовать ваше тело для непрошенных комментариев, вы не должны использовать мое тело и мою инвалидность – она моя, а не ваша – т.е. не создана для того, чтобы вы могли использовать ее в своих политических или социальных комментариях». [\(2\)](#)

Сперва важное замечание. Если в самом деле ваша инвалидность – только ваша, а не моя, я, конечно же, не буду ничего говорить о ней, но и не буду никак помогать вам, не переведу слепую старушку через дорогу и не заплачу ни цента налогов для социальной поддержки инвалидов. «Это – ваша проблема», как говорит ненавистная любому нормальному человеку притча упадочного капитализма.

У леволибералов и новолевых, как представителей бессильной мелкой буржуазии, есть забавное противоречие. С одной стороны, они вполне разделяют индивидуалистические принципы упадочного капитализма типа «мое тело – мое дело», с другой стороны, почему-то требуют для любимых ими меньшинств всевозможных социальных льгот и преференций.

Это противоречие, не решаемое мелкой буржуазией, в конце концов будет решено крупным капиталом, который законодательно запретит дискриминационные

высказывания в адрес больных и инвалидов, и в то же время уничтожит доступную медицину, позволяющую их лечить или хотя бы облегчать течение болезни и обеспечивать социальную адаптацию. Инвалидность – ваша, вы с ней и разбирайтесь. К тому же она вообще не инвалидность, а проявление человеческого разнообразия. Есть люди с двумя ногами, есть люди без ног, все тип-топ, каждый живет как может.

Сокращение социальных услуг в рамках политики неолиберализма обосновывается либертарианскими форумалами. Ваше тело - Ваше дело, вот и делайте себе аборт на свои деньги, вот и лечитесь сами, а с богачей прогрессивных налогов на Ваше лечение не требуйте, их оно не волнует в рамках провозглашенного Вами принципа "Мое тело - мое дело".

Социальное взаимодействие людей возможно лишь при условии, если моя проблема – это не только моя проблема, а если моя инвалидность – это не только моя забота, но и забота, хотя бы моих родных и друзей. Иначе общество распадается. И хуже всего от его распада придется как раз инвалидам, за которых демагогически вписываются борцы и борчихи с эйблизмом.

И да, любой присутствующий имеет право использовать ваше тело для непрошенных комментариев . Любой человек имеет право оценивать любого человека – это аксиома социального взаимодействия. Если оцениваемый сильно не согласен с оценкой, он может дать оценивающему по морде, вызвать его на дуэль, или, наоборот, принять оценку к сведению, задуматься и начать меняться. Люди оценивают друг друга, этой оценкой влияют друг на друга, в результате происходит движение и развитие.

Либерасты же и левачье хотят уютного спокойствия кладбища, хотят, чтобы люди стали замкнутыми в себе монадами, никак не влияющими друг на друга. Всякое моральное, психологическое и прочее собственно человеческое взаимодействие людей, создающее множество связей живого человеческого общества, в их мертвяцкой утопии запрещено. Есть изолированные индивиды и регулирующий их поступки закон . Самоочевидно, что изолированные друг от друга люди с обрубленными социальными связями не способны к борьбе ни с капиталом, ни с государством, и являются идеальным объектом эксплуатации.

Современный капитализм создает культуру хосписа, культуру комфортабельного умирания. Проблемы не решаются, болезни, социальные и физические не лечатся. Зато,

чтобы, упаси бог, не обидеть больных (а то обидятся, разозлятся и потребуют социального и физического лечения), умирание и вырождение обставляется морем красивых слов, действующих на больных усыпляюще и помогающих им, не тратя силы, идти сразу на дно.

Впрочем, у подъема антиэйблистских настроений на Западе есть некоторые объективные причины.

Материальное производство, требующее здорового тела, на Западе приходит в упадок, вытесняясь в регионы периферии. В империалистическом центре же расцветает третичный сектор, для работы во многих отраслях которого непокалеченное тело не обязательно. В колл-центре может принимать звонки и безногий.

Поэтому если в прошлые времена для трудящегося человека физическая искалеченность становилась полной жизненной катастрофой, после которой он мог только просить милостыню на паперти, то сейчас, если она не превосходит определенные пределы, он может сохранять частичную трудоспособность. Ее сохранению помогают и успехи современной медицинской техники (протезы, инвалидные коляски и т.п.), приспособленная для потребностей инвалидов городская среда и т.д..

К тому же жировой слой у западной буржуазии велик, поэтому демонтаж социального государства на Западе идет не так быстро, чем, например, в странах СНГ. В интересах инвалидов действительно принимаются определенные меры. Например, в Мадриде, автобус, остановившись на остановке, наклоняется в её сторону, так, что почти касается порожком асфальта. Колясочники без проблем заезжают туда. Многие станции метро оборудованы лифтами или специальными приспособлениями для колясок.

Но это все – в странах империалистического центра. В нищей же периферии, где на грани выживания находятся и физически здоровые трудящиеся, говорить, что инвалидность – не трагедия, могут только полные дебилы и дауны.

Если в странах империалистического центра антиэйблисты выражают определённые тенденции в изменении характера труда и ускоряют изменение морали в соответствии с этими изменениями, попутно разрушая мораль (такое вот вполне реальное

противоречие!), и поэтому выглядят для части общества адекватными, то в странах периферии и полупериферии они выглядят полными ебанатами. Во Франции или в Италии быть слепым, конечно же, не сахар, но жить можно, а вот ослепнуть в России или Украине — это катастрофа.

У борчихи, статью которой мы обильно цитируем, есть забавное противоречие. С одной стороны, она пишет:

«Мы не просто парализованные ноги, или слабослышащие уши, или слабовидящие глаза. В нас видят одну только инвалидность, зачастую забывая, что речь идет о людях. В нас перестают видеть цельную личность, живого человека со своими мыслями и чувствами».

Но с другой стороны эта правильная мысль аннулируется следующим высказыванием:

«Возможно мне рады как активистке, но не как активистке с инвалидностью. Мне рады, как союзнице, но не как союзнице с инвалидностью. Меня приветствуют, как родительницу, но не как родительницу с инвалидностью. Это очень напоминает ситуацию, когда тебе рады как активисту, союзнику, родителю, но не как женщине или еврейке».

Любопытно, с чего это надо радоваться инвалидности у союзника? Союзник - это хорошо, но если у него инвалидность, то это ограничивает моего союзника, делает взаимодействие с ним сложнее, а его эффективность ниже, так чему же тут радоваться?

В итоге становится непонятно, чего она на самом деле хочет? Чтобы люди, с которыми она взаимодействует, видели в ней равного себе товарища без скидок на инвалидность или же союзницу, которая в любой момент может тебя кинуть, говоря с медным лбом: «Так что с меня взять? Я ж союзница с инвалидностью?».

В старые времена было деление - либо ты здоровый мужик (ну, или баба) и тогда к тебе одно отношение, либо юродивый, тогда другое (юродивых, кстати, не обижали и иногда

им позволялось делать то, чего не могли делать здоровые – безнаказанно обличать царей, например, но было понятно, что юридивый – это как раз отклонение от нормы).

Борцы с эйблизмом размывают грань. Про реально больных они говорят, что те – не больные, а просто «человечески разнообразные», и поэтому могут не лечиться, зато не могут требовать права на лечение. С другой стороны, сами борцы с эйблизмом, будучи в значительной части случаев клинически здоровыми и несущими ответственность за свои поступки, изображают себя, чтобы избежать необходимости отвечать за слова и поступки, больными.

В здоровые времена мир прост и каждому понятно, чего от другого ждать. В эпоху же упадка капитализма люди зачастую предъявляют друг к другу взаимоисключающие требования, что делает социальное взаимодействие практически невозможным.

Следует указать еще одно важное обстоятельство. В современном левом движении СНГ, в отличие от революционных движений старых времен, работники материального производства представляют собой скорее достаточно редкое исключение.

Рациональное же и эйблистское поведение формируется в первую очередь в материальном производстве. Среди трудящихся неизбежно преобладает эйблистская и достигаторская мораль, мораль нормальности. Это следует из того, что ебанашки (пардон, «нейроразнообразные») не могут работать. Можно сколь угодно долго говорить о разнообразии умственного развития, но если сунуть руку в движущийся механизм — её переломает. Если сунуть руку под пресс, её раздавит. Если не отключить напряжение перед сборкой или разборкой цепи — тебя убьёт током. Так что трудовая мораль требует трезвого ума. Кроме того, труд, даже современные его разновидности требуют социального взаимодействия с коллегами и начальством. По этим причинам труд требует адекватности, и формирует эйблистскую мораль...

История знает много сильных и бесстрашных людей, ставших инвалидами в силу тех или иных причин, но сделавших столько, чего не сделают и многие здоровые.

Вождь таборитов Ян Жижка потерял один глаз в бою еще в молодости, а второй глаз — уже в эпоху гуситских войн. Слепой, он продолжал громить феодальные армии всей

Европы, его божьи воины из маленькой Чехии разгромили 5 крестовых походов феодальной Европы. Его называли Грозным Слепцом – друзья с восхищением, а враги с ужасом – и это был не эйблизм, а высшая похвала – слепой, он побеждал зрячих.

Великий английский поэт и передовой революционер своей эпохи Джон Мильтон обладал слабым зрением с детства. Руководя иностранными делами Английской республики и много работая с бумагами, Мильтон стал катастрофически терять зрение. Врачи сказали ему, что если он хочет сохранить зрение, он должен перестать так работать. На это Мильтон ответил: «Множество людей потеряло здоровье ради похотей, разгула и наживы. Неужели же я откажусь пожертвовать зрением ради святого божьего дела?».

Ослепший, в нищете и забвении, в разгул восторжествовавшей реакции Джон Мильтон продиктовал свою великую поэму «Потерянный рай» - самое сильное художественное выражение Английской революции.

У деятеля Французской революции Кутона в результате болезни суставов были парализованы ноги, что не помешало ему вместе с Робеспьером и Сен-Жюстом быть лидером якобинцев и вместе с ними погибнуть на эшафоте.

С великим композитором Бетховеном произошло самое страшное, что может произойти с музыкантом – он потерял слух, но и после этого, преодолевая ужас от угрозы не выполнить миссию своей жизни, он продолжал писать гениальную музыку.

Прикованный последние 8 лет жизни к своей матрасной могиле Гейне в своих стихах оставался бесстрашным барабанщиком революции, талантливым сатириком, высмеивающим убожество современной ему Германии.

Великая украинская поэтесса Леся Украинка с 9 лет болела туберкулезом костей, испытывала страшные боли, месяцами была прикована к постели, но за ее мужественность и цельность известный сексист Иван Франко назвал ее единственным мужчиной в современной ему украинской поэзии.

Больной болезнью Бехтерева, потерявший подвижность суставов и зрение Николай Островский написал одну из лучших книг о своем поколении – поколении пацанов, пошедших в 1917 году воевать за светлое царство социализма.

Потерявший из-за голодовок в лагерях и тюрьмах способность ходить украинский национал-коммунист Александр Шумской писал вызывающие письма Сталину и был убит в 1946 году спецгруппой НКВД во главе с Судоплатовым.

Потерявший зрение в 4 года Яков Батюк возглавлял комсомольскую подпольную организацию в оккупированном гитлеровцами Нежине и был расстрелян нацистами. Потерявший ногу в результате несчастного случая в подростковом возрасте талантливый гравер Нил Хасевич был активистом УПАшного подполья и погиб в бою с отрядом НКВД.

Советский артиллерийский офицер Василий Петров. потеряв в бою обе руки, вернулся в строй и продолжал воевать. Первый раз звание Героя Советского Союза он получил еще до ранения, второй раз – уже после него.

Потеряв обе ноги, вернулся в строй советский летчик Алексей Маресьев. Также без одной либо без двух ног воевали советские летчик Белоусов, Грисенко, Киселев, Маликов, Сорокин, английский летчик Бадер, убежденный нацист летчик Рудель.

Наконец, уже в недавние времена было несколько людей, слепых или почти слепых, активно участвовавших в левом движении СНГ, и делавших столько, сколько не делали многие их зрячие товарищи.

Все, о ком здесь сказано, были сильными и цельными людьми, сумевшими, несмотря на физическую искалеченность, вернуться в строй, и бороться за дело той общности, к которой они себя относили.

Это не означает, что их жизнь не была трагедией, что их физическая искалеченность была для них не болью и мукой, и всего лишь «человеческим разнообразием», и что их

физическая искаленность не накладывала серьезные ограничения на их деятельность.

Ян Жижка был полководцем, а не солдатом. Слепой полководец возможен (хотя Ян Жижка вроде бы – единственный такой случай), слепой солдат – нет. Василий Петров был артиллерийским офицером, от которого требуются ясный ум и точный глазомер, а не подносчиком снарядов. Среди вернувшихся в строй, потеряв ногу или ноги, военных решительно преобладают летчики и практически нет пехотинцев, которым здоровые ноги крайне важны. Если бы у Леси Украинки и Николая Островского было бы все в порядке со здоровьем, они прожили бы намного дольше и писали бы по-другому, лучше или хуже – это вопрос интересный. Ослепшие участники левого движения сумели бы гораздо больше прочитать, написать и сделать, если бы они не потеряли зрение.

Идеология старых времен, говоря о физической покаленности, ставила в идеал именно ее преодоление, преодоление сквозь боль, ужас и муку. Жизнь – трагедия, но трагедия не сдавшегося и несломленного борца величественнее и ценнее, чем счастье довольной своим убожеством свиньи. Не все могут стать такими, как Ян Жижка или Николай Островский, но люди, оказавшиеся в подобной трагической ситуации должны ориентироваться именно на этот образец, не сдаваться до последней крайности, бороться и побеждать или хотя бы умереть непокорившимися.

Убогое мирочувствование либерастичного левачья отрицает трагичность жизни, пытается замазать ее изменением слов. Отсюда борьба против достигаторства и политика няшинга, процветающая в анти-эйблистской среде.

Разумеется, «достигаторство», т.е. буржуазный оптимистический миф, что каждый человек, стоит ему только захотеть, может достигнуть любых высот, несмотря на все социальные и физические ограничения, насквозь лживо. Но из лживости достигаторского мифа борцы с эйблизмом сделали не вывод в духе оптимистической трагедии, что нужно делать, что можно и должно, а дальше как будет, а вывод в духе народной присказки – не трать, кума, силы, а иди-ка прямо на дно.

Достигаторский миф преобладал в эпоху прогрессивного капитализма, когда Франклин писал, что каждый кузнец своего счастья. Времена изменились, капиталистическое общество, восторжествовав, стало разлагаться, и достигаторский миф уверенного в себе буржуазного хищника, борца и творца стал сменяться жалобными причитаниями

убогой твари, желающей свое убожество сделать господствующим в обществе.

Не надо ничего менять, не надо бороться и страдать в борьбе, достаточно принять себя такими, как есть, и умиротворенно идти на дно. А такие же, как ты, будут при этом тебя няшить и говорить, что ущербность – это не ущербность, а проявление человеческого разнообразия.

Реально таким, как ты, пофиг на тебя и вообще на кого-либо, кроме своей драгоценной для них и бесполезной для человечества персоны. Борцы с эйблизмом любят говорить об эмпатии и сострадании, но, по общему правилу, лишены таковых. Сострадание к другому человеку для них – не глубоко личное, реальное и толкающее к действенной помощи чувство, а фраза, символизирующая их принадлежность к их миру. Они, по общему правилу, боятся конфликтов в реальной жизни, зато склонны, в зависимости от темперамента, либо к раздуванию склок в виртуальном мире, либо к молчаливому предательству.

Для воина и борца действительна старая мораль воинов Чингисхана: нет греха страшнее, чем предательство доверившегося. Для вырожденцев либерастии нет греха ужаснее, чем дискриминирующие слова. Мораль революционера в этом смысле перенимает линию морали воинов Чингисхана. ..

Среди героев и борцов, сумевших вернуться в строй, несмотря на искалеченность, о которых речь шла выше, встречаются только люди с физической искалеченностью. Их аналогов с психической искалеченностью нам вспомнить не удалось. Объясняется это тем, что физическая искалеченность сама по себе, если оставить в стороне ее негативное влияние на психику, не ведет к утрате человеком цельности его личности. Серьезные же психические проблемы резко затрудняют социальное взаимодействие человека. Социальное взаимодействие возможно лишь тогда, когда стороны более-менее представляют, чего можно ждать друг от друга, если же одна из сторон в любой момент может выкинуть неожиданный фортель и не несет за это моральной ответственности, потому что является невменяемой, тогда взаимодействие с таким человеком становится крайне сложным и поневоле ограниченным.

Между тем борцы с эйблизмом концентрируются не на физических и плохо поддающихся романтизации покалеченностях, а на гораздо более трудноуловимых психических заболеваниях. Романтизация психических заболеваний достигла немалого

уровня среди отличающихся исключительно богатым внутренним миром юных дев обоого пола, дающих немалый процент пополнения левацкому движу. В большинстве случаев страдающие юные девы обоого пола отличаются отменным аппетитом, более-менее умеют устраивать свои дела и делишки, несут полную ответственность за свои поступки и не болеют никакими психическими болезнями, требующими вмешательства врачей.

Их ущербность вызвана не физиологическими, а социальными причинами. Они – продукт социальной атомизации общества при упадочном капитализме, и в то же время – фермент, усиливающий эту социальную атомизацию. Они – и жертва социальной болезни, и источник инфекции.

То, что в протестных движениях процент людей, наиболее покалеченных и исковерканных данным обществом, превышает процент таковых людей в обществе в целом, нормально и естественно. Таким людям труднее социализироваться и держаться на плаву в данном обществе, поэтому его пороки и болезни ощущаются ими больнее. Проблема в том, что современное левое движение не является для таких людей инструментом социальной терапии, оно не помогает им из убогих и ущербных стать сильными и цельными, напротив, оно консервирует их убогость или даже усиливает ее.

В раннем христианстве хватало убогих и ущербных, говоря политкорректным языком той эпохи – юродивых. Но, вступая в массовое движение, они менялись. Мученики, отдающие жизнь за Христа и царство Божье были какими угодно, но не убогими.

Революционно-социалистическое движение прошлых времен в основе своей состояло из людей сильных и цельных. Но понятно, что состояло оно не из ангелов, и участвовали в нем и люди, сильно покалеченные существующими условиями. К революционным организациям могли тянуться и рабочие, пьющие, бьющие жену и детей и т.п. Но, вступив в революционное движение, такой рабочий преображался, бросал пить, менял отношение к жене и детям.

В современном левацком мирке люди не меняются в лучшую сторону. Но если борьба с эйблизмом достигнет тех же масштабов, что и борьба с сексизмом и гомофобией, то исчезнут даже основания требовать и ждать, чтобы люди менялись. Мое тело – мое дело, моя инвалидность – только моя, мои трусость, лицемерие и лживость – тоже только мои и никого не касаются, то, что я трусливое чмо, это проявление человеческого разнообразия, а вот за такое дискриминирующее высказывание, как «трусливое чмо»,

ты будешь объявлен фошыздом и торжественно отлучен от левого движения (к которому, впрочем, и вправду не относишься).

Понятно дело, что с такого рода моральной позицией не возникнет никакого движения, способного изменить мир в прогрессивном направлении, и что таких позиций может придерживаться лишь болотце, являющееся как продуктом, так и фактором вырождения капитализма.

Борцы с «эйблизмом» и «дискриминационными высказываниями», сторонники бодипозитива и борцы с «достигаторством» не хотят меняться к лучшему, не хотят, чтобы люди преодолевали неврозы, аутизмы, шизоидности, не хотят, чтобы толстые худели, а тощие накачивались, чтобы неудачники учились добиваться результатов. Они хотят консервации своего состояния и состояния своих подопечных. Хотят покоя в этом состоянии. И потому для них враг не только тот, кто ущемляет калек в современном мире, но и тот, кто хочет в новом обществе искоренить причины ущербностей и покалеченности. Они хотят, чтобы общество обеспечило им комфорт в рамках наличного состояния, каким бы оно ни было - и при этом не смело оценивать их.

Революционные движения старых времен были насквозь эйблистскими. Они обращались к страдающим и обездоленным, но не к ущербным и убогим. Они говорили, что смелых, честных, отзывчивых, думающих, достойных и благородных тружеников, производящих все материальные и духовные блага мира, эксплуатируют лживые, трусливые, лицемерные, корыстные, жадные, словом – убогие и ущербные - эксплуататоры. С этим «человеческим разнообразием» нужно покончить. Достойные труженики должны силой вернуть то, что принадлежит им по праву, а корыстные дегенераты будут подвергнуты принудительной трудовой терапии, которая даст им шанс стать из дегенератов достойными людьми.

Именно такой миф двигал массами во время всех великих и малых революций. Как и любой миф, он содержал в себе часть правды, но не всю правду (не все труженики были смелыми и честными и не все эксплуататоры – убогими и ущербными). Тем не менее именно он задавал моральный тон поднимавшимся на революции народным низам, прекрасно знающим, что хорошо и что плохо.

Если не все еще потеряно, если современное общество не обречено на мучительную смерть от вырождения, то революционное движение будущего будет не плыть по

течению, а противостоять общественному вырождению. Как смогли сделать ранние христиане, создавшие контр-общество, сумевшее, после занявшей 300 лет борьбы покончить с разлагающейся Римской Империей и начать новый цикл человеческой истории.

В ранние христианские общины шли представители разных классов, в силу тех или иных причин с наибольшей силой испытывавшие боль и муку от разложения всех социальных связей и потерю задаваемого прочным и живым обществом смысла жизни. В христианском контр-обществе они находили все то, чего была лишена вырождающаяся Римская империя. Вместо культа сиюминутных страстей – ориентация на длительную и упорную работу во имя приближения Царствия Небесного, вместо потакания своим инстинктам – умение подчинять их и вставать над своей жизнью, вместо лжи и предательства – принцип «умри, но не предавай» и «нет выше того, кто душу свою положит за други своя», наконец, вместо распада социальных связей – чувство живого братства борцов за великое дело.

Христианские мученики умерли не даром. Царства Божьего они не добились, но получившиеся в результате победы христианства общество было живее и прогрессивнее, чем разлагающаяся рабовладельческая империя. И кровь мучеников первых трехсот лет христианства создала моральный капитал, за счет которого переродившиеся христианские церкви живут уже 2000 лет.

Одно из важных различий революционного движения будущего от раннего христианства будет заключаться в ориентации не на мистику, а на рациональное мышление и науку, с которыми тоже все обстоит плохо в эпоху упадочного постмодернизма. Есть объективная истина – и есть ложь, и никакие разговоры о человеческом разнообразии этот факт не отменяют.

Революционное движение будущего будет противостоять мертвяцкой утопии либерастически-новолевой антисистемы как жизнь – смерти, здоровье – болезни, истина – лжи, смелость – трусости, сила – ущербности, а прогрессивное развитие, усложнение, движение вперед, сквозь боль и противоречия – безболезненному вырождению и опусканию на дно. Оно будет отстаивать веру, честь и власть: веру в истину и готовность стоять за нее до конца, честь борцов, страдающих, гибнущих, но не сдающихся и власть производителей и тружеников над своей жизнью и жизнью общества в целом.

Если оно победит и покончит с общественным вырождением, подвергнув вольных и невольных паразитов лечению трудом, а любителям смерти предоставив познакомиться с объектом их любви поближе, тогда начнется новый цикл прогрессивного развития. Что будет дальше, спустя столетия, мы можем знать не больше, чем могли знать первые христиане о проблемах нашего времени.

Закончить этот памфлет хотелось бы на душевной ноте и привести жизнеутверждающий гимн тибетской религии бон, религии, которая, по мнению Л.Н. Гумилева, является преемницей митраизма и считает высшими добродетелями верность слову и бесстрашие, а злейшими грехами - – лживость и трусость:

Да будет небо – сапфир!

Пусть желтое солнце мир

Наполнит теплом своим

Оранжево-золотым!

Да будут ночи полны

Жемчужным блеском луны!

Пускай от звезд и планет

Спускается тихий свет,

И радуги окаем

Сияет синим огнем!

Пусть в небе мчатся ветра,

Пусть поит дождь океан,

Пусть вечной будет земля,

Родительница добра;

Здесь так зелены поля,

Так много прекрасных стран! (цит. по Л.Н. Гумилев. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 2004, с. 453).

М. Инсаров

1 - Эйблизм - статья из Википедии (версия на 2 апреля)

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%B9%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

2 - Мысли об эйблистских выражениях и почему это важно [перевод]

<http://themiskyra.diary.ru/p199047810.htm?oam>